

Двадцатый год правления Циань, двенадцатый день первого месяца. Весенний снег постепенно таял, но холод всё ещё не отступил. В столице, Цзинду, царило оживление: прохожие переговаривались и смеялись, повсюду чувствовался праздник — картина, совершенно непохожая на унылую пустоту за сотни ли от города.

В конце часа обезьяны (около 17:00) карета, припорошенная снегом, въехала в городские ворота. Колёса с глухим стуком катились по каменным плитам. Кучер, шмыгнув покрасневшим носом, выдохнул облачко пара и крикнул: — Но!

Карета, пробиваясь сквозь ветер, проехала по улице Чанлэ, свернула семь или восемь раз и наконец остановилась у задних ворот в переулке Мэйхуа, что на улице Чанпин.

— Молодой господин, приехали. Прошу, выходите.

Кучер спрыгнул на землю, подставил подножку и тихо позвал того, кто был внутри.

Грубоватая рука отодвинула занавеску. Первым показался мужчина средних лет в ватном халате с длинными рукавами цвета воронова крыла. Он не спешил выходить — согнувшись, он придержал полог, уступая дорогу тому, кто находился в карете.

С края крыши посыпался снег. С тихим скрипом карета качнулась, и из неё показался юноша в плаще с белоснежным меховым воротником. Его фигура казалась хрупкой.

Юноше было лет семнадцать-восемнадцать. Его тонкие черты лица ещё сохраняли юношескую мягкость, а ясные, чистые глаза были подобны персиковым лепесткам. Холодный ветер коснулся его белых щёк, вызвав лёгкий румянец.

Кучер потянулся было помочь, но юноша уклонился и самостоятельно сошёл на землю.

Мужчина средних лет последовал за ним. Юноша замер перед закрытой деревянной дверью, лицо его оставалось бесстрастным. Мужчина постучал, и лишь спустя мгновение послышался звук отодвигаемого засова.

— Управляющий Ли, вы вернулись?

Дверь открыл слуга в грубой одежде. Увидев мужчину, он тут же отступил, пропуская гостей.

Управляющий Ли слегка кивнул и обернулся к юноше:

— Молодой господин, прошу в поместье.

Юноша ничего не ответил и молча последовал за ним. Миновав задний двор и пройдя через

двое арочных ворот, они углубились в поместье. Юноша внимательно оглядывался: повсюду виднелись причудливые скалы, извилистые галереи и белые стены. Слуги и горничные, попадавшиеся им навстречу, низко склоняли головы и проходили мимо, не смея поднять глаз, — всё здесь было пропитано строгостью правил.

Спустя полпалочки благовоний Управляющий Ли привёл юношу к Двору Сунцзянь.

— Молодой господин, подождите здесь, пока я доложу господину.

Управляющий Ли вошёл внутрь, а юноша остался ждать у входа. Вскоре вышел слуга, мельком взглянул на гостя и, сложив руки в приветственном жесте, произнёс:

— Молодой господин, господин просит вас войти.

Юноша кивнул и под конвоем слуги направился в кабинет. Внутри было тепло. За письменным столом, выпрямив спину, сидел мужчина средних лет в халате из парчи. Управляющий Ли замер в стороне. Юноша, принёсший с собой холод улицы, поднял глаза и встретился взглядом с мужчиной: в глазах юноши была тишина омута, в глазах мужчины — ледяное безразличие.

Было очевидно, что они не возлагали друг на друга никаких надежд.

Юноша остановился посреди кабинета. Мужчина окинул его взглядом и спросил тоном, в котором нельзя было уловить ни тепла, ни злости:

— Нин Цзюэ?

— Да.

Голос юноши звучал холодно и отстранённо.

— Знаешь ли ты, зачем я велел привезти тебя сюда?

— Знаю.

— До столичного экзамена остался один месяц. Всё это время ты будешь жить здесь. Если пройдёшь испытание и попадёшь в списки, то останешься в поместье. Я сдержу обещание, данное твоей матери: признаю тебя и позволю стать настоящим вторым молодым господином Поместья Нин.

Мужчина говорил сухо, словно обсуждал торговую сделку.

— Но если ты не оправдаешь ожиданий матери и провалишься, не вини меня в жестокости. Второго шанса я не дам... Тебе понятно?

Нин Цзюэ спокойно кивнул. Он произнёс лишь короткое «угу», и на этом разговор был окончен.

Неужели он такой молчун?

Мужчина нахмурился и обратился к Управляющему Ли:

— Проводи его в гостевую комнату. Обеспечь всем необходимым, как и других молодых господ. Если кто-то спросит, отвечай, что это племянник из родных мест. Не позволяй слугам болтать лишнего.

— Слушаюсь.

Управляющий Ли поклонился и обратился к Нин Цзюэ:

— Молодой господин, прошу за мной.

Нин Цзюэ развернулся и ушёл. На его лице не дрогнул ни один мускул. Не было ни радости от встречи с отцом, ни печали от его холодных слов, ни обиды на пренебрежительное отношение. Ещё до прибытия сюда у него не было ожиданий, поэтому и сейчас, услышав всё это, он не испытал ни волнения, ни страха — ведь где нет любви, там нет ни тревоги, ни боли.

Гостевая комната в Поместье Нин была обставлена всем необходимым. Вещей в этой маленькой комнате было даже больше, чем во всём доме в Иньчжоу, где он прожил семнадцать лет.

— Молодой господин, это А Ци, он будет прислуживать вам, — сказал Управляющий Ли, подводя к юноше худощавого подростка лет шестнадцати-семнадцати. — Если чего-то будет не хватать, велите А Ци обратиться ко мне.

— Я А Ци, приветствую молодого господина.

Нин Цзюэ бросил взгляд на тщедушную фигурку слуги и, кивнув, промолчал. За весь путь из Иньчжоу в Цзинду он не произнёс и десяти слов, поэтому Управляющий Ли уже успел составить представление о его характере.

— Молодой господин, вы устали с дороги, не буду вам мешать. Ужин принесут в комнату, поешьте и отдохайте.

С этими словами он удалился.

Нин Цзюэ огляделся. На книжных полках стояли сотни книг. Он наугад взял одну — это был переписанный экземпляр «Вэньсянь тункао», не оригинал, к тому же неполный.

Нин Цзюэ начал учиться в два года, а в три уже пошёл в школу. С самого детства мать, предпочитая голодать и мёрзнуть, тратила последние гроши на книги для него. В их доме книг было больше всего: от скучных «Ши цзина» и «Исторических записок» до занимательных историй о призраках — они заполняли всю его комнату.

Мать держала его в строгости. Кроме занятий, она почти не выпускала его из дома. За семнадцать лет он чаще всего слышал от неё: «Ты должен усердно учиться и добиться успеха, чтобы отец увидел твою ценность и забрал нас домой, чтобы ты мог признать своих предков».

Да, он был незаконнорожденным сыном без имени и положения. Его отец — Нин Ляо, чиновник четвёртого ранга, помощник министра в Министерстве доходов в Цзинду.

Девятнадцать лет назад Нин Ляо, только начавший карьеру, был отправлен в Иньчжоу на должность инспектора шестого ранга. Там он познакомился с вышивальщицей по фамилии Юань. Они сблизились, и между ними вспыхнули чувства.

В молодости Нин Ляо был хорош собой. Госпожа Юань, поддавшись его сладким речам, отдала ему всё без остатка. Она не знала, что в Цзинду у него уже была жена и дети.

Нин Ляо обманывал наивную девушку, обещая жениться на ней. Но когда срок службы подошёл к концу и пришло время возвращаться в столицу, он, не слушая слёзных мольб, бросил беременную женщину и уехал.

Только тогда госпожа Юань поняла, что её предали. Ребёнок был нежеланным — Нин Ляо требовал, чтобы она избавилась от него. Но она не смогла расстаться с родной кровью. Она была готова стать наложницей, лишь бы остаться с любимым, но Нин Ляо был непреклонен. Он заявил, что его жена в столице добродетельна, и он не может привести наложницу, чтобы не ранить её сердце. Всё, что было в Иньчжоу, он назвал лишь мимолётным увлечением.

Он отверг и её, и ребёнка.

Госпожа Юань в отчаянии смотрела ему вслед. Слухи о незамужней матери едва не погубили её, но она вытерпела всё и родила. Она верила: даже тигр не ест своих детёнышей. Если её сын добьётся успеха, отец не сможет закрыть перед ними двери.

С этой мыслью она воспитывала Нин Цзюэ в невероятной строгости. С тех пор как он научился говорить, перед ним всегда лежали горы книг. Пока другие дети играли, его единственными спутниками были глубокие тексты и скучные письменные принадлежности.

За все семнадцать лет Нин Цзюэ ни разу не видел отца. Госпожа Юань часто писала письма в Цзинду, но из сотен посланий Нин Ляо не ответил ни на одно.

О нет, одно письмо всё же было.

Через полгода после рождения Нин Цзюэ она написала, что родился сын, и попросила дать ему имя. Нин Ляо прислал ответ — первое и последнее письмо. На тонкой бумаге было начертано лишь одно слово: «Цзюэ» (разрыв/пресечение).

Неизвестно, что это значило: разрыв отношений или пресечение рода? Имя с таким дурным предзнаменованием госпожа Юань приняла со слезами, и так появился Нин Цзюэ.

Позже она продолжала писать. Сначала — о своих чувствах, потом — только о сыне.

В первый год: «В Иньчжоу расцвели цветы, я так скучаю».

На третий год: «Я сшила тебе новую одежду, вышила на ней твою любимую орхидею».

На пятый год: «Часто вспоминаю наше прошлое, когда ты сможешь приехать?»

...На десятый год: «Наш сын получил похвалу от учителя, не хочешь ли взглянуть на него?»

На тринадцатый год: «Сын сдал начальный экзамен, можно ли ему приехать в Цзинду?»

На шестнадцатый год: «Сын стал цзюйжэнем, через год он сможет участвовать в столичном экзамене. Не придёшь ли ты на экзаменационный двор взглянуть на него?»

На семнадцатый год: «Сын собирается в столицу. Если ты не хочешь видеть его, я поеду вместе с ним».

Неизвестно, сработало ли это последнее письмо как угроза или в Нин Ляо проснулась совесть, но через несколько дней управляющий из поместья Нин в Цзинду нашёл госпожу Юань в Иньчжоу. Он прямо заявил, что по приказу господина Нина должен забрать Нин Цзюэ в столицу на экзамен.

Госпожа Юань была вне себя от радости, веря, что дождалась признания. Но слова Управляющего Ли повергли её в бездну:

— Господин сказал, что забирает только молодого господина.

Ему был нужен только полезный сын, а не женщина, к которой он давно охладел.

В глазах госпожи Юань застыло отчаяние. Она сидела на полу, не в силах проронить ни слезинки — за эти годы она выплакала всё. Нин Цзюэ, глядя на мать, хотел отказаться от поездки, но она, не желая сдаваться, заставила его ехать.

— Твой отец просто ещё не увидел твоей ценности. Как только ты станешь учёным, вспомнив, как я растила тебя эти годы, он обязательно примет нас.

Нин Цзюэ был возмущён. Ему не нужно было признание Нин Ляо. Если мать хочет в Цзинду, он может сдать экзамен, стать чиновником и сам обеспечить ей достойную жизнь. Но госпожа Юань была непреклонна. Она мечтала лишь о том, чтобы снова увидеть Нин Ляо, войти в

поместье Нин и сделать своего сына полноправным молодым господином.

Она была упрямой женщиной — такой же упрямой, как тогда, когда решила остаться с ним, родить ребёнка и заставить сына учиться. И сейчас она упрямо гнала его в столицу, требуя успеха на экзаменах и закрепления в поместье.

Нин Цзюэ не был образцом сыновней почтительности, но, вспоминая слёзы матери за все эти годы, он уступил. Жизнь ему дала мать, и если это её единственное желание, он исполнит его.

Лишь надеясь, что потом она не пожалеет об этом.

<http://bllate.org/book/21783/2252428>